

Борцы за мир

Сегодня в Москве открывается третья Всесоюзная конференция сторонников мира. Представители всех республик, входящих в великий Советский Союз, передовые бойцы всемирной Армии Мира заполнят сияющий огнями белый Колонный зал.

Москва встретила делегатов радостной жизнью своих широких улиц, новыми высотными зданиями, новыми станциями метро, молодым снегом на зубах родного Кремля, могучей и ровной пульсацией своих трудовых буний. Отсюда, из города, ставшего символом надежды для простых людей всего мира, изстраданных страхом перед новой войной, раздаются слова поддержки, всем понятные, светлые и ответственные слова — война войне!

Мы — советский народ — не допустим войны!

Кто же произнесет это слово от имени народа?

Их много — делегатов, и они представляют всю громадную нашу державу, со складочным размахом ее географии и ее созидания, с многообразием ее обычаяев, языков, талантов и планов на будущее.

Мужчины и женщины, старики и юноши, коммунисты и беспартийные. Герои Социалистического Труда, лауреаты Сталинских премий, оденоносы и люди, еще не успевшие снискать наград. Академик В. Виноградов — школьница 10-го класса Аукес Мардасайт. Е. Корчевская — крановщица торгового порта во Владивостоке и латвийская певица Эльфрида Пакуль. Московский каменщик Ф. Шелюгин и Георг VI — патриарх и католикос всех армян. Рабочие, колхозники, композиторы, писатели, партийные работники...

Борьба за мир поднимает все честные сердца. Из длинного списка людей, съехавшихся на конференцию, я беру только часть, на выборку, несколько делегатов из тех, чья фамилия начинается на букву К. Смотрите, какое предстоит перед нами разнообразие профессий, интересов и творческих дел:

Кондрашов Г., забойщик шахты.

Ковалев Н., главный конструктор гидротурбин.

Ким Пен-хва, председатель колхоза.

Киренский Л., доктор физико-математических наук.

Коровецкая Н., директор племраспланирования.

Кондратенко И., старший машинист электровоза.

Корехов Н., капитан рыболовного траулера.

Кисильников В., главный врач санатория.

Колотилова А., руководитель хора.

Кривцов Н., электропианист.

Крупашу Х., бригадир совхоза.

Кутолинц А., директор школы.

Кафаров А., главный инженер нефтепромысла.

Койчуев М., старший табунщик.

Курманалиева В., студентка университета.

Козинцев Г., кинорежиссер.

За каждого делегата социалистические заводы, цветущие колхозы, новостройки, университеты. Каждый делегат привез в Москву горячее дыхание великих мирных дел нашей Родины.

За каждого делегата миллионы советских людей, их судьба, чаяния и воля миру.

За каждого делегата честно пройденный трудовой путь, жизненный опыт, зовущийся его биографией.

Вот, к примеру, биография ленинградского делегата П. Зайченко, знаменного слесаря Кировского завода. Тогда Зайченко родился в 1917 году. Он родился вместе с молодой Советской страной. О довоенной жизни он знает только по книжкам. Детство его прошло на Магнитке, где его отец был прорабом. Пионерский лагерь «Артек», школа ФЗУ... Комсомольцем Зайченко пришел на завод. Война. Блокада. В окончнем цехе молодой слесарь Зайченко работал, не считая часов и дней, делал оружие. В эти суровые дни он вступил в партию. Сейчас он переделщик, рапортанализатор, усовершенствователь. Онносит на груди орден Ленина, медаль лауреата Сталинской премии. Десятки молодых рабочих учатся у него, перенимают методы труда... Прекрасный путь, путь, типический для тысячи советских бойцов за мир! И так понятно, почему Зайченко готов отставивать дело мира до последней кровинки, отстаивать свою прекрасную, им самим созданные станицы, свой завод, открытый славой, свой труд людям на счастье, а не на гибель, свою родную страну и родную власть...

Иллюстрация П. Бобоходжаева. Он родился за два года до революции в Ходженте (ныне Ленинабад), в семье каменщика. Казалось, от колыбели ему предназначено было быть ниццем, как и его родному Таджикистану. Но судьба его народа сложилась иначе. Сейчас П. Бобоходжаев — заслуженный врач Республики и министр здравоохранения Таджикской ССР. Во время Великой Отечественной войны он был военным врачом, был ранен. Он рассказывает, что революции смертность в Таджикистане была самой высокой в России. На весь Таджикистан было несколько врачей и 45 больничных коек. Сейчас в Таджикистане ССР сотни врачей и тысячи больничных коек. В Стадионаде в этом году открываются клиническая больница на 300 мест и новый родильный дом. Давно покончено со страшными эпидемиями, косившими народ. В Кашалаках, где тысячи матерей ежегодно гибли от родов, работают фельдшерско-акушерские пункты, колхозные родильные дома.

Сколько делегатов на конференции, столько замечательных трудовых судей. Каждая судьба своеобразна и каждая типична для огромного числа советских людей.

Все делегаты пережили войну. Одни воевали с оружием в руках. Другие способствовали победе своим трудом на заводах, в колхозах, в научных учреждениях. Третьи были еще дети, но и они — школники, детишки — старались, чем только могли, помочь всенародному делу.

Это слово звучит могущественно, и злой визг поджигателей войны не может его заглушить.

Некоторые делегаты чудовищный закон, по которому американское правительство взялось помочь деньгами дверь-сантам, политическим бандитам, предателям своего народа, самым черным, самым подоночным силам, борющимися против СССР и стран народной демократии. Этот неслыханный в истории международных отношений акт вызывает у всех честных людей отвращение и гнев. Мы презираем всех и всяческих изменников родины, предателей и выродков. Заговору кучки негров, толкающих свой народы к войне и гибели, last сегодня отпор 3-я Всесоюзная конференция сторонников мира.

Привет вам, люди мирного труда, благородные труженики, созидатели коммунизма! Да прозвучат ваши честные голоса против бесчестной войны, замышляемой врагами мира! Простые и человеческие ваши слова облетят весь земной шар. Они всплывают уверенность и силу в сердца патриотов всех стран, в сердца всех людей, борющихся за жизнь, против смерти.

Это слово звучит могущественно, и злой визг поджигателей войны не может его заглушить.

Некоторые делегаты чудовищный закон, по которому американское правительство взялось помочь деньгами дверь-сантам, политическим бандитам, предателям своего народа, самым черным, самым подоночным силам, борющимися против СССР и стран народной демократии. Этот неслыханный в истории международных отношений акт вызывает у всех честных людей отвращение и гнев. Мы презираем всех и всяческих изменников родины, предателей и выродков. Заговору кучки негров, толкающих свой народы к войне и гибели, last сегодня отпор 3-я Всесоюзная конференция сторонников мира.

Самый отважный, самый неутомимый, имеющий гениальность из полководцев — товарища Сталина, народ-победитель с той же отвагой и неутомимостью борется за мир во всем мире, за спокойствие и счастье всего человечества. Борется и трудом своим и страшным словом.

Это слово звучит могущественно, и злой визг поджигателей войны не может его заглушить.

Некоторые делегаты чудовищный закон, по которому американское правительство взялось помочь деньгами дверь-сантам, политическим бандитам, предателям своего народа, самым черным, самым подоночным силам, борющимися против СССР и стран народной демократии. Этот неслыханный в истории международных отношений акт вызывает у всех честных людей отвращение и гнев. Мы презираем всех и всяческих изменников родины, предателей и выродков. Заговору кучки негров, толкающих свой народы к войне и гибели, last сегодня отпор 3-я Всесоюзная конференция сторонников мира.

Привет вам, люди мирного труда, благородные труженики, созидатели коммунизма! Да прозвучат ваши честные голоса против бесчестной войны, замышляемой врагами мира! Простые и человеческие ваши слова облетят весь земной шар. Они всплывают уверенность и силу в сердца патриотов всех стран, в сердца всех людей, борющихся за жизнь, против смерти.

Вера ПАНОВА

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении композитора Захарова В. Г.
орденом Трудового Красного Знамени

За выдающиеся достижения в области советского музыкального искусства и в связи с пятидесятилетием со дня рождения народного артиста СССР композитора Захарова Владимира Григорьевича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н. ШВЕРНИК

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль. 26 ноября 1951 г.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении народного художника СССР

Меркурова С. Д. орденом Трудового Красного

Знамени

За выдающиеся заслуги в развитии советского изобразительного искусства и в связи с семидесятилетием со дня рождения народного художника СССР Меркурова Сергея Дмитриевича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н. ШВЕРНИК

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль. 26 ноября 1951 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 140 (2858)

Вторник, 27 ноября 1951 г.

Цена 40 коп.

ТОЛЬКО ФАКТЫ

Биение пульса общественной жизни из-под любой страны в минувшие и наступающие дни мы часто улавливаем по газетам. Неважно, что жизнь газеты коротка — она живет лишь один сутки; ежедневная печать позволяет судить на зоне о глахе и сего-дняшнем.

Если это наша печать, большевистская, — она дает представление о буднях нашего народа, его чаяниях, о его неукротимой устремленности в будущее — в коммунизм. Под руководством партии, под воздействием великого Сталина наш народ создает свое светлое будущее. И отражает изо дня в день, отражая правдиво и честно жизнь народа, наша печать пропагандирует горячо и страстно великие имена Ленина — Сталина, помогает партии сплотить народы на борьбу за мир, помогает изо дня в день вспоминать в жизни национальные предпочтования.

Если это буржуазная пресса — официоз либо бульварная ли же желтая газета (от которой, впрочем, «софииз» мало что отличается) — она также может дать некоторое представление (разумеется, при верном прочтении ее и верном отношении к ней) о том, в каких условиях существуют народы капиталистических стран, каковы морально-этические «нормы» поведения современной буржуазии, каковы ее надежды на будущее и как стремится она осуществить их с помощью своих президентов, премьеров, министров, журналистов и т. д. и т. п.

Ла, по газетам мы можем составить себе представление о минувшем и наступающем дне земного шара, разделенного на два мира: мир мира и мир войны.

Так проследим же по печати за одним днем двух миров. Перед нами десятки газет, вышедших в один и тот же воскресенье — 14 октября — в СССР и США.

Вот пятьдесят номеров советских газет. Они издаются в разных концах страны, в различных республиках и областях, в промышленных центрах и сельскохозяйственных районах. Есть у них, однако, одно общее, что роднит их и объединяет — газеты эти советские.

Факты говорят за себя, факты — вещь упрямая. Поэтому достаточно воспроизвести просто, без комментариев, некоторые газетные материалы, чтобы показать устремленность нашей печати, правдиво отражающей думы и чаяния, мирный и патриотический дух народа.

«Волынская коммуна» (г. Кубычев). В Кемеровском строительном районе Кубычевской ГЭС начали работать новые экскаваторы. Вчера, пишет газета, встал в забой и выныл первый кубометр песка для перемычки трехкубовый уральский экскаватор. Расширяется сеть библиотек на стройке; сегодня здесь работают 17 библиотек, которые располагают десятками тысяч книг.

«Ленинградская правда». Областной комитет партии и горисполком пришли к решению о создании вдоль шоссейных и железных дорог больших садов. Вдоль подъездных путей раскинуты плодовые насаждения шириной 150 метров с каждой стороны дороги. Таким образом, площадь сада на протяжении лишь одного километра пути будет 30 гектарам.

«Правда Севера» (Архангельск). В Ненецкой окружной школе оленеводов состоялась читательская конференция по книге Т. Семёнова «Алитет уходит в огненное вандалы». Олеонев Ванапта говорил, что темнота и невежество царили по Октибрьской революции не только на Чукотке, о жизни которой рассказывается в книге, и на всем Крайнем Севере. А теперь в самых глухих местах тундры возникли новые поселки, открыты школы и больницы, ненецкие юноши и девушки учатся в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда.

«Уральский рабочий» (Свердловск). Здесь состоялась научная конференция по истории уральской металлургии. Результаты соревнования трех городов Урала — Свердловска, Магнитогорска, Челябинска. Свердловцы готовят образец новой буровой установки. Горсовет принял от строительных организаций 50 новых жилых домов, он израсходовал на благоустройство города свыше 25 миллионов рублей. Молодотянуты строят детский дом на 120 ребят с учебными классами и мастерскими. А челябинцы рапортуют: весной этого года они высадили 26 тысяч деревьев, 110 тысяч кустарников...

На второй странице газета публикует анонс «Мой вклад в дело мира». И неясно, что мы узнаем, что тяжелыи колхоза «Красный Урал» Т. Прозорова вырастила за год для колхоза больше 70 лет. Она пишет:

— Я, простая колхозница, часто думаю: а что же я должна, что могу сделать, чтобы войны не было? И всегда нахожу один ответ: работать так, чтобы Родина была еще сильнее, еще богаче.

Художник В. Зиновьев отвечает на анкету:

— Я работаю сейчас над серией рисунков, отражающих участие народа в создании великих строек коммунизма, геронимский труд уральцев. Один из рисунков рассказывает о подписании Обращения Всемирного Совета Мира в цехе завода.

«Сталинградская правда» в хронике «Через Сталинград» сообщает:

★ Государственная комиссия архитектурно-строительного контроля приняла в строительстве 20 новых жилых зданий.

★ Сталинградское аэрокурсонное бюро проводит большую работу по ознакомлению трудящихся города с крупнейшими предприятиями, историческими местами Сталинграда. Вчера две группы экскурсантов побывали на тракторном заводе.

ЗА ИДЕИНУЮ ЧИСТОТУ И ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ

На открытом собрании парторганизации Союза советских писателей

В Центральном доме литераторов состоялось открытое партийное собрание писателей, посвященное обсуждению статьи «Правды» «Против рецидивов антипартийских взглядов в литературной критике».

— Редакционная статья «Правды», — сказал докладчик Н. Лесковский, — убедительно показала, что опубликованный в девятом номере «Нового мира» литературно-критический очерк А. Гурвича «Сила положительного примера» носит антипартийский характер.

Указывая на недопустимость появления в печати порочного очерка, «Правда» еще раз со всей категоричностью напомнила о необходимости решительного покончить с либеральным отношением к попыткам пропаганды в литературную критику чужих, гражданских советскому народу антипартийских взглядов.

Статья «Правды» призывает повысить бдительность, неслажено вести непримиримую борьбу со всеми и всяческими вылазками наших идеальных противников.

Из выступления «Правды» вытекает вывод о необходимости всестороннего улучшения деятельности нашей писательской организации на всех участках, во всех звеньях. Задача нашего собрания заключается в том, чтобы помочь всем писателям — коммунистам и беспартийным — до конца разобраться в допущенной серьезной ошибке и извлечь из этого факта урок.

После подробного и всестороннего анализа порочной статьи А. Гурвича докладчик окончательно обострился, в которой стало возможным опубликование этой антипартийской статьи.

Ни члены секретариата Союза писателей, ни члены редакционной коллегии «Нового мира» не проявили достаточной цепкой требовательности. Товарищи из «Нового мира» отошли от коллегиальных, общественных форм работы. Они забыли указание партийной петиции о том, что прежде всего необходимо обеспечить большевистский дух во всей работе журнала, что правильное ведение требует тесной связи с авторским активом и широкими кругами литературной общественности. Клеймые методы работы позабытое приводят к серьезным ошибкам.

После доклада развернулись оживленные споры.

Выступивший первым главный редактор «Нового мира» А. Твардовский полностью признал свою вину в опубликовании вредной статьи А. Гурвича.

— Действительно, — подчеркнул он, — существование группы актива писателей при журнале, обсуждающей важнейшие, острые работы, во многом помогло бы предотвратить возможность подобных ошибок. Помимо проявленного редколлегией непротивительного попустительства, либерализма, в этом случае сказалась также теоретическая маломощность как отдельной критики, так и редакции в целом.

В своем выступлении В. Катаев привел примеров, показывающих, что в журнале нет настоящей идеальной требовательности и коллегиального руководства.

— Оказалось, что у журнала шаткая линия, вернее, линии не было. Иначе чем

объяснить, что в одном номере печатаются плохие, несовременные, аполитичные стихи И. Асеева, а в другом номере в рецензии А. Тарасенкова цензурально критикуются хорошие стихи Н. Тихонова.

Состояние литературоведения и критики в области литературы народов ССР и вопросы борьбы против проявлений буржуазно-критической очаровательности А. Гурвича «Сила положительного примера» носит антипартийский характер.

— Моя вина, — сказал А. Сурков, — заключается в том, что, видя большие пороки статьи А. Гурвича, я сказал после ее прочтения автору, что статья может быть напечатана. Находясь в руководстве Союза писателей, я обязан был обдуманно и серьезно подойти к этой статье. На деле же было проявлено политическое легкомыслие. Статью человека, который был в центре супорной и справедливой критики несколько лет назад, надо было поставить на общественное обсуждение. Этого мы не сделали, и это лилийный раз показывает, что руководство Союза писателей не справлялось со многими задачами, на которые указывал XIII пленум правления. Все еще недостаточно и робко мы опираемся на активность творческого коллектива в повседневной работе и в оценках сложных литературных явлений.

В выступлении А. Гурвича вытекает вывод о необходимости всестороннего улучшения деятельности нашей писательской организации на всех участках, во всех звеньях. Задача нашего собрания заключается в том, чтобы помочь всем писателям — коммунистам и беспартийным — до конца разобраться в допущенной серьезной ошибке и извлечь из этого факта урок.

После подробного и всестороннего анализа порочной статьи А. Гурвича докладчик окончательно обострился, в которой стало возможным опубликование этой антипартийской статьи.

Ни члены секретариата Союза писателей, ни члены редакционной коллегии «Нового мира» не проявили достаточной цепкой требовательности. Товарищи из «Нового мира» отошли от коллегиальных, общественных форм работы. Они забыли указание партийной петиции о том, что прежде всего необходимо обеспечить большевистский дух во всей работе журнала, что правильное ведение требует тесной связи с авторским активом и широкими кругами литературной общественности. Клеймые методы работы позабытое приводят к серьезным ошибкам.

После доклада развернулись оживленные споры.

Выступивший первым главный редактор «Нового мира» А. Твардовский полностью признал свою вину в опубликовании вредной статьи А. Гурвича.

— Действительно, — подчеркнул он, — существование группы актива писателей при журнале, обсуждающей важнейшие, острые работы, во многом помогло бы предотвратить возможность подобных ошибок. Помимо проявленного редколлегией непротивительного попустительства, либерализма, в этом случае сказалась также теоретическая маломощность как отдельной критики, так и редакции в целом.

В своем выступлении В. Катаев привел примеров, показывающих, что в журнале нет настоящей идеальной требовательности и коллегиального руководства.

— Оказалось, что у журнала шаткая линия, вернее, линии не было. Иначе чем

ТОЛСТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Традиционные толстовские чтения 1951 года, организованные Институтом мировой литературы имени А. М. Горького и Государственным музеем Л. Н. Толстого, были посвящены актуальным проблемам изучения творчества Толстого.

Бытовальное слово сделал проф. А. Егоров.

О задачах изучения языка и стиля Льва Толстого в свете гениальных сталинских работ по вопросам языкоизнания говорил в своем докладе кандидат филологических наук К. Ломунов.

Кандидат филологических наук А. Шифман в докладе на тему «Л. Толстой — обличитель империализма» использовал

На выставке узбекской книги в Центральном доме литераторов. Слева направо — поэты М. Зенкевич, Г. Гулям, А. Сурков и А. Бенцова.

Фото В. ЕГОРОВА и Н. СИТНИКОВА

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Обсуждение произведений узбекской поэзии

Два дня под председательством В. Ильиной проходило в СССР обсуждение узбекской поэзии. Участники обсуждения поставили ряд серьезных проблем, имеющих принципиальное значение для всей многонациональной советской поэзии.

После вступительного слова С. Азимова с анализом поэзии Мирмухина «Уста Гинис» и А. Мухтара «На большом пути» выступил С. Гулаков. Сейчас в узбекской поэзии, сказал он, явно осуществляется переход к реализму. В поэмах чувствуются знание действительности, серьезная учеба у русской поэзии, стремление отойти от книжности, пользоваться живым языком народа. Однако для А. Мухтара Мирмухина, как и для многих наших молодых поэтов, возникает опасность увлечения зарисовками с патетикой.

Разбирая книгу Э. Рахима «Дорога страстей», Л. Ошанин говорил о проблеме отражения труда во всей советской поэзии. У Э. Рахима, как и у многих других поэтов, герой строк послевоенного пятилетия все еще работает лопатой и кетменем, тогда как давно пора увидеть и показать народу нового строителя, овладевшего величественной техникой наше времени. Об этом же говорил и В. Захарченко по поводу книги Р. Бабаджана «Дорогие друзья».

Н. Чуковский подробно разобрал книгу М. Бабаева, в которой выделяется цикл стихов «Под небом Ирана», разоблачающий роль Англии в Иране.

К сожалению, творчеству такого значительного поэта, как Гафур Гулям, было несвоевременно, хотя и квалифицировано, но только однажды выступление — П. Скосьрева.

Большое внимание уделили выступавшим качеству переводов узбекской поэзии на русский язык и поэтической рецензии. Были отмечены хорошие переведы поэзии А. Мухтара (Я. Хелемский), Мирмухина (Липкин), дикла стихов М. Бабаева (Р. Галимов), удача молодого переводчика И. Гребенева. Многие товарищи указывали на то, что С. Сомов следуя выбором для перевода стихи тех поэтов, которые более созвучны ее собственному дарованию. П. Кадыров и В. Лицко сравнили с подстранными переводами стихов Г. Гуляма, Э. Рахима, Х. Алимжана в других поэтах поэтические переводы этих стихов, оказавшиеся весьма далекими от оригинала. И. Панов и Н. Синдрек обнаружили в двух изданиях книги А. Мухтара, в которых переводы один и тех же стихов совершенно различны.

С. Шаповал говорил о творчестве Уйгуна, Мирмухина и Зульфии, по кипяткам которых видно, что узбекская поэзия решительно обратилась к современной теме.

Поэты отходят от устаревших традиционных форм, все больше пользуются изобразительными средствами живого народного языка. Уйгу — поэт, философски осмысливающий ход истории и проблемы современности. Но его стихам передко недостает конкретности. У Мирмухина другая опасность — своеобразная иллюстративность, даже поверхностность. Зульфин присущее сочетание серьезного обобщения и поэтической конкретности. Однако ей следует остерегаться поэтических «красивостей».

Н. Грибачев, говоря о творчестве молодых корейских поэтов Ким Чын Сон и Ен Сен Нен, живущих в Узбекистане, поднял чрезвычайно важный для большинства начинающих поэтов вопрос. Молодежь, как правило, берется за большие

решения, но вдохновению трудового подвига, не знающему границ.

Узбекистан построил прекрасные каналы, фабрики и заводы, стал важнейшей хлопковой базой, начал добывать уголь и нефть.

В этом богатом мире, пронизанном двойным светом — светом азиатского могучего солнца и светом коммунистических идеалов, живет чрезвычайно важный для большинства начинающих поэтов вопрос... На полях соревнования кипит...

Согодняшний узбек, вошедший в стихи Гафура Гуляма, воин, участвовавший в Великой Отечественной войне, входивший в победителем в Берлин, получающий новые звезды Героя Социалистического Труда, помнит о том, что и сегодня новые агрессоры жаждут мирового господства. Эти новые варвары хотели бы линчевать узбеков, как они линчуют негров в своей Африке.

Пишет ли Гафур Гулям о молодости, о весне, о детях, о новых городах, о хлопковых полях — вы вместе с ним переживаете настоящее поэтическое волнение, вы чувствуете настоящего большого поэта нашей Советской страны, голос которого выходит далеко за пределы его родного Ташкента, голос этот говорит всему миру о счастье родной земли, о советском счастье Алабадме.

Но о чем бы врагам ни мечталось, Чего бы ни хотелось, Хлопкороб не уронит кетмень, Что держать он привык.

Мы угроз не боимся, Мы заняты делом, Хоть и слышим вдали Поджигателя яростный крик

Не может их вой Погасить

Беговатые топки, И колеса турбин от него Не замрут никогда.

Этот крик не заставил Сомниться коробочки хлопка, Все мы видим, Все слышим

И не прерываем труда!

Читая стихи Гафура Гуляма, мы видим, что он многое сделал для того, чтобы старый узбекский стих стал моложе, сильнее, реалистичнее. Он пренебрег новую строфическую, он находит новые, энергичные

«ВСПОТЕВШИЕ ТИГРЫ»

Как-то уже довольно давно прочитал я в одном из номеров журнала «Огонек» иллюстрированный рассказ о ловле тигров на Дальнем Востоке. Удивила меня одна поэтическая надпись: «Вспотевшие тигры» в том или ином виде попадались на глаза везде — и в газетах, и в журналах, и в книгах. Тогда возник у меня вопрос: почему писатели стараются изучить материал, когда пишут о строительстве, транспорте и т. д., и почти не уделяют внимания изучению материала, как только дело касается жизни природы? Представьте себе, что где-нибудь оказались бы напечатанными такие строки: «Он вылил сталь на сундук карусельного станка и, накрепко издавил, стал фрезеровать детали». Подобная тарабарщина сразу была бы замечена всеми, и читателями и прессой, и подверглась бы суровой критике и публичному османиению. Почему же наша родная природа, наши флора и фауна не служат предметом столь же горячей защиты? Почему иной раз наши поэты и прозаики так вольно обращаются с явлениями природы, не желают их изучать или хотя бы просто считаться с ними?

Прекрасно написала лауреатом Сталинской премии Н. Никитин «Северная Аврора». И читал эту книгу с удовольствием, но был крайне огорчен такими строками: «Возле Адмиралтейской арки... ласточки с пронзительным свистом насыпались над пахучими линиями». Почему автор заставил ласточек свистеть? Никто такого не слыхал; ведь не кричат гуси и не кукарекают утки. А вот стрижи действительно свистят в полете, и их очень много. Почему же писатель настолько наивно насторожился на пахучими линиями? Почему автор заставил ласточек свистеть?

Лауреатом Сталинской премии Н. Никитин «Северная Аврора». И читал эту книгу с удовольствием, но был крайне огорчен такими строками: «Возле Адмиралтейской арки... ласточки с пронзительным свистом насыпались над пахучими линиями». Почему автор заставил ласточек свистеть?

Лауреатом Сталинской премии Н. Никитин «Северная Аврора». И читал эту книгу с удовольствием, но был крайне огорчен такими строками: «Возле Адмиралтейской арки... ласточки с пронзительным свистом насыпались над пахучими линиями». Почему автор заставил ласточек свистеть?

Лауреатом Сталинской премии Н. Никитин «Северная Аврора». И читал эту книгу с удовольствием, но был крайне огорчен такими строками: «Возле Адмиралтейской арки... ласточки с пронзительным свистом насыпались над пахучими линиями». Почему автор заставил ласточек свистеть?

Лауреатом Сталинской премии Н. Никитин «Северная Аврора». И читал эту книгу с удовольствием, но был крайне огорчен такими строками: «Возле Адмиралтейской арки... ласточки с пронзительным свистом насыпались над пахучими линиями». Почему автор заставил ласточек свистеть?

Лауреатом Сталинской премии Н. Никитин «Северная Аврора». И читал эту книгу с удовольствием, но был крайне огорчен такими строками: «Возле Адмиралтейской арки... ласточки с пронзительным свистом насыпались над пахучими линиями». Почему автор заставил ласточек свистеть?

Лауреатом Сталинской премии Н. Никитин «Северная Аврора». И читал эту книгу с удовольствием, но был крайне огорчен такими строками: «Возле Адмиралтейской арки... ласточки с пронзительным свистом насыпались над пахучими линиями». Почему автор заставил ласточек свистеть?

Лауреатом Сталинской премии Н. Никитин «Северная Аврора». И читал эту книгу с удовольствием, но был крайне огорчен такими строками: «Возле Адмиралтейской арки... ласточки с пронзительным свистом насыпались над пахучими линиями». Почему автор заставил ласточек свистеть?

Лауреатом Сталинской премии Н. Никитин «Северная Аврора». И читал эту книгу с удовольствием, но был крайне огорчен такими строками: «Возле Адмиралтейской арки... ласточки с пронзительным свистом насыпались над пахучими линиями». Почему автор заставил ласточек свистеть?

Лауреатом Сталинской премии Н. Никитин «Северная Аврора». И читал эту книгу с удовольствием, но был крайне огорчен такими строками: «Возле Адмиралтейской арки... ласточки с пронзительным свистом насыпались над пахучими линиями». Почему автор заставил ласточек свистеть?

Лауреатом Сталинской премии Н. Никитин «Северная Аврора». И чит

ЗАНАВЕС ОПУСКАЕТСЯ...

(ОПЫТ НАДГРОБНОГО СЛОВА В СВЯЗИ С ГРАЖДАНСКОЙ СМЕРТЬЮ БЫВШЕГО ПИСАТЕЛЯ ДЖОНА Б. ПРИСТИЛЫ)

Жил-был английский писатель Джон Болтон Пристли. По сведениям американского спрашивающего «Авторы ХХ века», родился Пристли в 1894 году. Написал несколько романов и много пьес и в одной из них — «Когда мы погибнем» — даже, оказывается, сыграл главную мужскую роль. Писал сценарии для Голливуда, много путешествовал, особенно по Соединенным Штатам. От времени до времени делал благонамеренные политические заявления о том, что, имея «ярко выраженные левые тенденции», он в то же время занимает «твердые антиимperialистические позиции». Принимался в любви к Соединенным Штатам Америки и в попытке признательности хвастался, что знает об их жизни и истории больше, чем другие английские писатели. Словом, несмотря на свои «левые тенденции», человек был благонадежный, основ не потерял и материализма не любил.

А впрочем, почему — несмотря? Еще, чего доброго, у читателя создается впечатление, что «левые» тенденции Джона Б. Пристли были чем-то таким, что привело его «твердых антиимperialистических позиций» все-таки чуть-чуть подмачивало ему репутацию в глазах лиц власти передержанных и дома, в Англии, и за океаном, куда он так любил путешествовать.

Ничего не было. Именно «левые» тенденции Джона Б. Пристли как раз и радовали лиц власть передержанных. Хозяйство было: в нем нужны не только одни правые ку-клукс-клановские рычания — «Повеси!» и «Зарежу!» В нем нужны и бойкие «левые» первы, вроде перв Джона Б. Пристли, ибо именно такие первы и создают видимость буржуазных свобод. О том, чтобы опрокинуть монумент капитализма, они, разумеется, не пытаются. Зато, завидев на теле капитализма какую-нибудь пустяковую бородавку, они готовы волить о ней на весь мир с таким шумом, что и вправду можно подумать, что есть на бородавке свече свободы слова: они — ее апостолы.

А ведь только этого и нужно было лицам власть передержанным, тем более, что бородавка, невзирая на шум, разумеется, остается на месте.

В то же время, обличая ее и, так сказать, корись ее, люди, вроде Джона Б. Пристли, успевают прослыть неподкупными общественными деятелями, где-то также и что-то такое ужасно смело выдвигаются и поднимаются, правда, что именно и ради чего именно, — понять трудно.

Но в этом-то как раз и ценность таких «левых»: глядишь, одних обманутой болтовней, уверят, что важнейшие бородавки с бородавкой ничего на свет не светят; а других повернут в сомнение — может, про бородавку только для начала, а там займутся и чем-нибудь посереди. (Сомнения напрасные, — не займутся!).

И вот живет и пишет такой «левый» деятель на поприще буржуазной литературы то о том, то о сем: то посетует на зловредный аристократизм какого-нибудь лорда, то, щекоча нервы себе и зрителям, завлекательно пройдется по темным углам буржуазной морали; то рассказывает о разрывавшемся буй-капиталисте и приходит к любреобильному сердцу добродетельного персонажа из рабочих, не забыв при этом намекнуть на возможность классового мира: то вдруг заявят, что Уильям Рэнольд Ферст в Америке пользуется большими привилегиями, чем герцог Норфорльский в Англии, и поэтому, дескать, британская демократия выше американской.

Трудно, да и, по правде говоря, нет охоты сейчас редизировать все вышесказанное из-под стопы же плодовитого, скользкого пера Джона Б. Пристли. Как человек, не лишенный ни юмора, ни энтузиазма, он обеком свое многоголосое «левое» прислужничество лицам власти передержанных обычно в более занятые и умел замаскированные формы, чем люди, состоявшие на той же службе, что и он, но обладавшие меньшим талантом и меньшим юмором. То, что он писал, порою склоняло к себе внимание не только тех немногих людей, чьи интересы он защищал (такое внимание вполне естественно), но и части тех многих людей, чьи интересы он предавал на своем литературном поприще, не больше и не меньше, чем любой другой социал-предатель на поприще своей парламентской или профсоюзной деятельности.

Иногда для поддержания его «левого» авторитета его слегка журнализм «левизны» кто-нибудь спрашивает, и он, отчасти оправдываясь, вместе с тем с кокетливой сместью, отчасти подтверждая свою «левизну», стремясь снова разжечь затухающие симпатии читателей.

Иногда, зная, что доброе слово, сказанное о Советском Союзе — это ключ к сердцу простых людей, он прибегает к декларации о своих симпатиях в Советской стране. Он писал предисловия в книгах советских писателей, говорил притворно дружелюбные речи и даже ездил в Советский Союз, для того чтобы, по примеру Андре Жида, оставить себе про запас возможность налагать на эту страну (всяческое правоудобия ради) ссылку на «личные впечатления».

Так до сравнительно недавнего времени протекал первый этап деятельности Джона Б. Пристли.

С видом потрясаемой основ критикуя в своих романах и пьесах бородавки капитализма, в статьях он то пополам с комментаторами жаловался на некоторые ку-клукс-клановские крайности американцев, то выступал с тщательно засларенной клеветой на русских, превосходно чувствуя себя в давно отведенной для него свыше роли «левого» нациологического амортизатора летящей по ухабам машины английского империализма.

Правда, эту роль никак нельзя было назвать самостоятельной, но на самостоятельность Джона Б. Пристли и не претендовал, а изображать видимость самостоятельности ему никто не мешал.

Но вот в мире произошло нечто, поставившее под угрозу сохранение этой видимости и тем самым невероятно перепре-

гавшее и рассердившее Джона Б. Пристли и ему подобных. Этим нечего было просто поставить свою подпись. Тем более, что ему об этом публично, в печати напомнили люди, в которых он в свое время (и тоже в печати) писал, что печит их мужественную борьбу против военных преступников. Эти люди склонны к великим напоминаниям ему, что пора бы английскому писателю Джону Б. Пристли высказать свое недавно смысленное отношение в новых военных преступниках, заранее считая таковыми тех, кто первым бросил атомную бомбу. Напоминания ему об этом и английские писатели.

Весной 1949 года сторонники мира пригласили на свой Парижский конгресс в числе других английских писателей и Джона Б. Пристли. Он без всяких колебаний отверг это приглашение, угрожавшее опасной для него необходимости отвечать «да» или «нет» или во всяком случае что-то близкое к этому. Джон Б. Пристли, конечно, понимал, что если он перед лицом собравшихся в Париже сторонников мира скажет «нет», объявят опасность войны несуществующей, а движение за мир — «московской пропагандой», то ему не угрожает ничего, кроме презрительного молчания зала. Однако говорить прямо «нет» в то время считалось еще не его части. Для этой цели в оркестре идеологических слуг империализма были другие музыканты, игравшие на других инструментах.

Откажись же в жажде аллюзий сказать «да» — значило вообще вылететь из оркестра. Ибо одно дело критически рассуждать о сорванных привилегиях Херста и герцога Норфорльского, или критиковать лейбористское правительство за невнимание к английскому театру, или говорить «ай-ай-ай!» каким-нибудь слишком невежливым американцам, а другое дело — разоружение Советской Армии.

Было бы несправедливо рассматривать весь этот визг Джона Б. Пристли только как правильное понимание своего долга услужающего, который до поры до времени для того и назывался «левых», чтобы именно в такой ответственной момент вдруг завязжать гримче и злой всех.

Все это, конечно, так: служебный долг — служебный долгом, но для людей, у которых привычка в помешанной маски стала второй натурой, сироп маски — процедура болезненная. Именно поэтому в этом визге, который издал Джон Б. Пристли по долгу службы, отчаянно ссыпалась и его собственные вполне эмоциональные склоняющие поты. Он был смертельно разбужен на невежливое «или — или», на которое ему, саморазблачаясь, пришелся ответить: нет!

На этом визге, изданном весной прошлого года, можно, пожалуй, покончить со вторым этапом деятельности Джона Б. Пристли и перейти к третьему — нынешнему.

Началом этого этапа можно считать маленькой заметку, напечатанную 11 сентября прошлого года в английской газете «Дейли геральд». «Вчера был радостный день для миссис Барбары Уайтхэм-Барнс и Дж. Б. Пристли — ее отца-писателя. Ее муж, подполковник Королевского воздушного флота Питер Уайтхэм-Барнс, специалист в области ночных полетов, только что был награжден в Токио американской Серебряной звездой за участие в воздушных налетах на Северную Корею. — Я в совершеннейшей восторге и страшно горжусь, — заявила она. — Мой отец — тоже».

Уильямша «совершеннейшему восторгу», в который пришел Джон Б. Пристли оттого, что его звать столы удачно по имени убийца корейских женщин и детей, разумеется, не приходится: два предыдущих этапа его деятельности довольно закономерно подготовили этот третий.

Когда человек начинает с высказываний против борьбы за сохранение мира, он в конце концов приходит к высказываниям, пропагандирующим войну. Джон Б. Пристли, не и в сомнению, отдаваясь от своего здравого смысла, не желая отставать от своего здравия, прорвал этот путь поиски со стороны искажения обзываю обрезом, возвращая оголовья, варить пиво, а по вечерам музицировать и читать Шекспира.

Однако эта пьеса с двойным дном, где на поверхности было шутство, а в подполье — циническое утверждение о неизбежности войны, не имела ожидаемого автором успеха. В конце концов, слишком мало людей жаждут представить войну как неизбежность и слишком многие жаждут избежать этой минимы неизбежности.

Но Джон Б. Пристли не успокоился в своих циничных попытках отступиться от вопросов войны и мира. Как это часто бывает с людьми, на чье не желание внятно сказать ни «да», ни «нет», он попытался заменить серьезные человеческие слова скверным животным хохотом. Именно с таким хохотом в одном из своих статей, повторяя вначале чужие зады, смысли которых сводятся к тому, что американские военные базы во всем мире, конечно же, созданы для «обороны», в дальнейшем Джон Б. Пристли с хихиканьем, подчеркиваяющим, что он, разумеется, шутит, предложил всем государствам разоружиться и одновременно «для того, чтобы не оставаться совсем беззащитными», изгнать по линейке цене достаточное количество острых ножей и свинцовых палок и вооружить им каждого человека во всех странах, ибо таким оружием можно пользоваться лишь у себя на родине, чтобы разбивать головы и резать глотки захватчикам».

Я не мог удержаться и не привести эту пьесу, показывающую и уровень языка Джона Б. Пристли, и уровень его цинизма, и, я бы сказал, уровень его растленности. Когда в мире миллионы людей поднимают олии из самых серьезных вопросов современности — проблемы запрещения атомного оружия, — отчуждаться от этой проблемы при помощи болтовни о ножах и свинцовых палках, значит пытаться отвлечь от нее внимание, т.е. по существу, желать, чтобы она не была решена. В этом как раз и был смысл на первых взглядах бесмысленных шуток Джона Б. Пристли. Однако он и здесь еще не пренебрегал фиговыми листками.

Впервые бесповоротно препенебрежут о нем, когда ему предложили подписать Стокгольмское Воздзвание о безоговорочном запрещении атомного оружия и объявление военным преступником правительства той страны, которое первым его применит. Джон Б. Пристли предстал перед скорбным фактом невозможности отбояться. Тут уже было невозможно сказать, что он вообще за, а в частности против, или что-нибудь другое, такое же привычное какую-то, ни к чему решительно не обязывающее в то же время сохранившее видпорядочности. Здесь нельзя было болтать, ни хихикать, ни цеголять дешевыми парадоксами; здесь надо было

просто поставить свою подпись. Тем более, что ему об этом публично, в печати напомнили люди, в которых он в свое время (и тоже в печати) писал, что печит их мужественную борьбу против военных преступников. Эти люди убийцы хотят с тем, чтобы он впоследствии мог проехаться по оккупированному Советскому Союзу и увидеть среди развалин городов угодные ему декадентские литературу и искусство. Так и кажется все время, когда читаешь эту статью, что, случись Джону Б. Пристли отвечать за нее перед честными людьми, он скомкает лицо в извращающую полуульячу и скажет: «За что меня? Я ведь не Мерроу. Я не сбрасывал на Москву атомной бомбы. Я исполнительный, я тихий, я чистенький. Я только насчет литературы и искусства».

Боже мой, как звучал в ответ на это спокойное напоминание Джон Б. Пристли.

Это всемирное движение привело Джона Б. Пристли в ужасный гнев. А причина гнева заключалась в очень простом обстоятельстве: человеку, который всю жизнь не говорил ни «да», ни «нет», было трудно представить себе, как он рассердился при этом бестактном вопросе, не учтивавшим профессиональные особенности его деятельности вечного соглашателя.

Боже мой, как звучал в ответ на это спокойное напоминание Джон Б. Пристли. Он написал ответ, потом еще один, потом дополнение к ответам. Он сделал вид, что странно обижен тем, что кто-то что-то позволяет себе ему напоминать.

Он, потеряв остатки юмора, отказался сотрудничать со сторонниками мира на том смехотворном основании, что русские не участвовали в международных театральных конференциях, где он председательствовал.

И, наконец, в удовольствии тех, критиковавших его, Джону Б. Пристли отвечать за нее перед честными людьми, он скомкает лицо в извращающую полуульячу и скажет:

«За что меня? Я ведь не Мерроу. Я не сбрасывал на Москву атомной бомбы. Я исполнительный, я тихий, я чистенький. Я только насчет литературы и искусства».

И заходит честным людям вперед, чтобы сказать:

«Джону Б. Пристли отвечать за нее перед честными людьми, он скомкает лицо в извращающую полуульячу и скажет:

«За что меня? Я ведь не Мерроу. Я не сбрасывал на Москву атомной бомбы. Я исполнительный, я тихий, я чистенький. Я только насчет литературы и искусства».

И заходит честным людям вперед, чтобы сказать:

«Джону Б. Пристли отвечать за нее перед честными людьми, он скомкает лицо в извращающую полуульячу и скажет:

«За что меня? Я ведь не Мерроу. Я не сбрасывал на Москву атомной бомбы. Я исполнительный, я тихий, я чистенький. Я только насчет литературы и искусства».

И заходит честным людям вперед, чтобы сказать:

«Джону Б. Пристли отвечать за нее перед честными людьми, он скомкает лицо в извращающую полуульячу и скажет:

«За что меня? Я ведь не Мерроу. Я не сбрасывал на Москву атомной бомбы. Я исполнительный, я тихий, я чистенький. Я только насчет литературы и искусства».

И заходит честным людям вперед, чтобы сказать:

«Джону Б. Пристли отвечать за нее перед честными людьми, он скомкает лицо в извращающую полуульячу и скажет:

«За что меня? Я ведь не Мерроу. Я не сбрасывал на Москву атомной бомбы. Я исполнительный, я тихий, я чистенький. Я только насчет литературы и искусства».

И заходит честным людям вперед, чтобы сказать:

«Джону Б. Пристли отвечать за нее перед честными людьми, он скомкает лицо в извращающую полуульячу и скажет:

«За что меня? Я ведь не Мерроу. Я не сбрасывал на Москву атомной бомбы. Я исполнительный, я тихий, я чистенький. Я только насчет литературы и искусства».

И заходит честным людям вперед, чтобы сказать:

«Джону Б. Пристли отвечать за нее перед честными людьми, он скомкает лицо в извращающую полуульячу и скажет:

«За что меня? Я ведь не Мерроу. Я не сбрасывал на Москву атомной бомбы. Я исполнительный, я тихий, я чистенький. Я только насчет литературы и искусства».

И заходит честным людям вперед, чтобы сказать:

«Джону Б. Пристли отвечать за нее перед честными людьми, он скомкает лицо в извращающую полуульячу и скажет:

«За что меня? Я ведь не Мерроу. Я не сбрасывал на Москву атомной бомбы. Я исполнительный, я тихий, я чистенький. Я только насчет литературы и искусства».

И заходит честным людям вперед, чтобы сказать:

«Джону Б. Пристли отвечать за нее перед честными людьми, он скомкает лицо в извращающую полуульячу и скажет:

«За что меня? Я ведь не Мерроу. Я не сбрасывал на Москву атомной бомбы. Я исполнительный, я тихий, я чистенький. Я только насчет литературы и искусства».

И заходит честным людям вперед, чтобы сказать:

«Джону Б. Пристли отвечать за нее перед честными людьми, он скомкает лицо в извращающую полуульячу и скажет: